

Др. Джаншиевъ.

ЭПОХА ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

(Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлесн. наказ.—Университ. автономія.—Земство.—Цензурн. реформа.—Гласный судъ и судъ присяжныхъ.—Воинская реформа. ✓
Город. самоуправленіе.—Изъ обществ. хрон.—Дѣятели преобр. эпохи).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

*Тьма ночь темный—тьма звезды ярче.
Майковъ.*

Съ портретами Бѣлинекаго, Грановскаго, грр. С. С. Данскаго и Я. И. Ростовцева, Я. А. Соловьева, гр. В. Н. Панина, С. И. Заруднаго, Н. А. Милютина, В. А. Арцимовича, Д. А. Ровинскаго, Н. А. Буцковскаго, и К. К. Грота.

7-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА.

Типо-лит. К. Θ. Александрова, Арбатъ, бл. Арбатскихъ вор., д. Александрова.
1898.

IV.

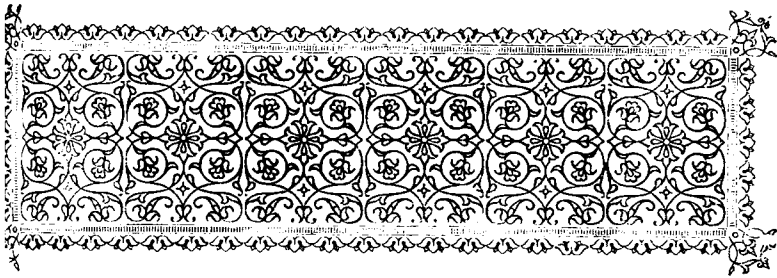
ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ.

Принципъ правительственной невмѣшательства не есть что либо чуждое правительству, идущее наперекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительства, и общества.

М. Н. Катковъ. (1864 г.).

Будьте увѣрены—враги великихъ реформъ, дарованныхъ русскому народу и впервые вводящихъ его въ кругъ цивилизованныхъ націй, не могутъ не быть врагами своего народа!

Онъ же. (1867 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земское Положеніе 1864 г.

(Справка къ 30-ти лѣтію).

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе съять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаю на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей.

П. А. Валуевъ (1855 г.).

I.

Исторія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ тому, какъ иной разъ реформа, задуманная при единодушномъ сочувствіи общества, ведетъ къ быстрому разочарованію и къ продолжительнымъ, крупнымъ недоразумѣніямъ, благодаря отсутствію рациональнаго плана у руководящей реформы и стремленію его сочетать противоположные принципы, совмѣстить взаимно исключаютія другъ друга системы и тенденціи. Корень земской реформы 1864 г., какъ и всѣхъ другихъ реформъ 60-хъ годовъ (и частью и 70-хъ: Городовое Положеніе 1870 г. и

Уставъ о воинской повинности 1874 г.) лежить все въ томъ же великомъ освободительно-гуманномъ движеніи конца 50-хъ годовъ, которому Россія обязана своимъ быстрымъ обновленіемъ и возрожденіемъ послѣ тридцати-лѣтняго застоя, завершившагося севастьяпольскимъ погромомъ. Ближайшимъ же источникомъ земскаго Положенія служить русская magna charta libertatum, великій законодательный актъ 19-го февраля 1861 г., явившійся, по справедливому замѣчанію одного журнала ¹⁾, первымъ плодомъ дружнаго, воодушевленнаго общественаго движенія и, какъ путеводная звѣзда, освѣщавшая (вѣрнѣе было бы сказать, долженствовавшая освѣщать) путь послѣдующимъ преобразованіямъ. Такая тѣсная связь, связь не только внѣшняя, хронологическая, но и внутренняя, нравственная, причинная признается не только историками и публицистами, но и официальными документами.

Мысль о необходимости переустройства мѣстнаго общественно-хозяйственнаго управленія, равно преобразование прочихъ частей управленія—уѣзднаго, городского, губернскаго, читаемъ въ одной обширной официальной исторической запискѣ, возникла при начертаніи въ концѣ 50-хъ годовъ Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и затѣмъ послужила основаніемъ *поступательному*, еще не завершившемуся, *движенію* законодательства въ области преобразованія мѣстнаго управленія, которое, такимъ образомъ, «является *необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы* славнаго царствованія блаженныя памяти Императора Александра II—дарованія свободы 20-ти миллионному крѣпостному населенію» ²⁾.

---

¹⁾ Только защищаясь закономъ, говорили *Отеч. Зап.*, можно успѣшно бороться съ произволомъ и подвинуть къ этой борьбѣ все общество. Только опираясь на Magna charta, англичане дошли до Habeas Corpus-акта. Положенія 19-го февраля—это наша первая хартія, приобретенная общимъ единодушнымъ сознаніемъ его необходимости. (1862 г., № 9, стр. 26).

²⁾ См. стр. 1. *Исторической Записки о ходѣ работъ по составленію и примѣненію положенія о земскихъ учрежденіяхъ*. Записка составлена въ 1869 году, кажется, въ кодификаціонномъ отдѣлѣ.—Если англичанинъ Макензи Волзъ былъ пораженъ эрудиціею, которую онъ встрѣчалъ въ продуктахъ нашей бюрократіи, выводящей на справку законы времени царя Соломона: пелопонезской войны и пр. (см. La Russie. Paris. 1879, t. I, 304), то не менѣе поразительны и размѣры этихъ продуктовъ, долженствующие привести въ ужасъ убѣжденныхъ сѣдинами членовъ нашихъ законодательныхъ учреждений (въ виду этого поднятый недавно вопросъ о „перутомленіи“ ихъ и

Почему поступательное движение въ мѣстномъ управленіи являлось неизбежнымъ послѣдствіемъ великой реформы, въ чемъ именно заключалась основная тенденція этого движения и осуществило ли ее Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года? Въ названной официальной запискѣ, составленной въ 89 г., т. е. время, далеко неблагоприятное для оцѣнки идей и стремленій 60-хъ гг., конечно, нельзя найти прямого и вѣрнаго отвѣта на эти вопросы, точная постановка и разрѣшеніе коихъ выходили бы даже за предѣлы практической ея задачи, чуждой историческихъ, идейныхъ обобщеній, но нѣкоторый намекъ или отвѣтъ на эти вопросы находимъ и въ сухомъ официальномъ изложеніи хода дѣлъ. Указавъ на то, что цѣлью земской реформы было стремленіе предоставить хозяйственному управленію большее единство, *самостоятельность и довѣріе*, а послѣ освобожденія крестьянъ и необходимость новаго распределенія земскихъ повинностей, объѣднаннаго 167 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ, — историческая записка, помимо этихъ, такъ сказать, матеріальныхъ, техническихъ или практическихъ поводовъ (не одними же заботами о мостахъ и гатяхъ была вызвана, въ самомъ дѣлѣ, та необычайная настойчивость и лихорадочное нетерпѣніе, съ которыми печать и многія дворянскія собранія въ 62—63-мъ гг. ждали и требовали скорѣйшаго открытія земскихъ учреждений!) къ мѣстной реформѣ указываетъ и на соображенія правтвенно-политическаго порядка. «Независимо отъ сего необходимо было, сказано въ Запискѣ, положить *предѣлы* возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учреждений *несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ* разныхъ сословій“. Такимъ образомъ, земская реформа должна была удовлетворить двумъ требованіямъ: стремленію улучшить мѣстное хозяйственное управленіе и *дѣдать исходъ свободнымъ стремленіямъ*“ общества, т. е. единодушному, громкому вопросу на самоуправленіе, заявленному общественнымъ мнѣніемъ.

И эти «свободныя стремленія» не были дѣломъ случайнаго, минутнаго увлеченія, а логическимъ выводомъ тяжкаго историческаго урока, навликаннаго торжествомъ всемогущей бюрократической опеки и полнымъ подавленіемъ общественной мысли, слова и дѣятельности.

Представляется, пожалуй, празднымъ).—Такъ, поминутая „Записка“ занимаетъ 400 печатныхъ страницъ in folio.—Судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи подлиннымъ журналамъ госуд. совѣта 1864 г., Записка почти целикомъ повторяетъ ихъ.—См. также: М. И. Свѣшникова — „Основы и предѣлы самоуправления“. СПб. 1892 г. стр. 121—162.

И сдѣлалъ, что могъ; жалѣю, что не могъ сдѣлать лучше, говорилъ на смертномъ одрѣ Императоръ Николай I, съ горечью констатируя предъ своимъ наследникомъ «пенорядокъ въ командѣ»¹⁾. Эти простыя, дышанія глубокою искренностью и чуждыя всякой оффиціальной условности слова, — сказанныя вдобавокъ въ такую исключительную по торжественности минуту, когда дыханіе смерти носилось уже надъ головою сильнѣйшаго изъ сильныхъ міра сего — были настоящимъ погребальнымъ звономъ для старой всемогущей, всеподавляющей, непогрѣшимой бюрократической системы, основанной на крѣпостномъ правѣ и неизбежномъ спутникѣ его, канцелярской рутинѣ и чиновничьемъ произволѣ и опеке. Если даже такой сильный волею, извѣстный своею энергіею, твердостью принциповъ, рѣдкимъ трудолюбіемъ и инкапиемъ въ дѣла управленія монархъ не могъ избѣжать, крупныхъ промаховъ, то это съ очевидностью доказывало непригодность существовавшей бюрократической системы управленія или точнѣе «команды», какъ выражался самъ Николай I. Да, именно «команда», — этотъ военный терминъ идетъ какъ нельзя лучше, потому что вся дореформенная система, по вѣрному опредѣленію хорошо знавшаго ее, извѣстнаго государственнаго человѣка Н. А. Милютина, была не что иное, какъ *военно-вотчинное* управленіе въ духѣ временъ 30-ти лѣтней войны²⁾, имѣя идеаломъ аракчеевскія военныя поселенія. Когда одинъ изъ даровитѣйшихъ изобличителей язвъ дореформеннаго стараго строя³⁾, М. П. Катковъ, говорилъ, что дореформенная администрація была: *все во всемъ*, другими словами, что она чуть не присвоивала себѣ атрибуты, подобающіе одному лишь всемогущему и вездѣсущему, божеству⁴⁾, то тутъ не было гиперболы или натяжки. Достаточно вспомнить, что тогдашняя цензура дерзала наложить свою тяжелую

1) Cardonne — L'empereur Alexandre II. Paris 1883, p. 216. (См. выше главу I.)

2) Leroy-Beaulien—Un homme d'état russe (N. Milutine). Paris. 1884 p. 16. «Сердце обливается кровью при чтеніи вашихъ депешъ, писалъ Н. А. Милютинъ 17 марта 1856 года новороссійскому генералъ-губернатору графу Строганову; таково общее впечатлѣніе, но все, что мы тутъ (въ Петербургѣ) ни сдѣлаемъ, принесетъ ничтожную пользу странѣ, пока она будетъ предоставлена безконтрольному усмотрѣнію арміи, управляемой въ духѣ временъ Валленштейна».

3) Моск. Вѣдом. 1866 г., № 198.

4) Апост. Павла I Посл. въ кориню. XV, 28 — „да будетъ Богъ все во всемъ“.

руку даже на самое Священное Писаніе ¹⁾, что бюрократія не въ шутку, а вполне серьезно подготавлила «проектъ религіи» для инородцевъ, составленный эклектически на основаніи Евангелія и Корана ²⁾... Въ своемъ стремленіи искоренять вездѣ самодѣйствіи проявленія «буйной» самостоятельности, бюрократія, вѣроятно, не преминула бы исправить «ошибку Провидѣнія», надѣявшаго человѣка свободой воли ³⁾, если-бы имѣла она на то достаточно досуга, силъ и средствъ.

Станувъ все къ одному центру ⁴⁾, захвативъ и подчинивъ своей

¹⁾ Полн. собр. сочин. Н. С. Аксакова, т. V, 165. — Типичный представитель государственнаго „исламизма“ Д. П. Бутурлинъ требовалъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѣста Покрову Божіей Матери, напр. такой: Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ!—Когда Бутурлину объяснили, что этимъ опять осуждаетъ автора акаѣста, своего патрона св. Григорія Ростовскаго, котораго никогда не считали революціонерами, Бутурлинъ замѣтилъ: „кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія“. Гр. Бурдовъ возразилъ, что такія выраженія встрѣчаются и въ Евангеліи, на что Бутурлинъ въ шуточномъ тонѣ отвѣтилъ, что если бы Евангеліе не было такою извѣстною книгою, то цензурѣ, конечно, нужно было бы *исправить* ее. См. Энциклопедическій словарь, т. V, слово „Бутурлинъ“.

²⁾ Письма о Россіи. Берлинъ. 1879, г. V.

³⁾ Борясь съ французскою реакціею 1827 г., стремившеюся стѣснить свободу печати, Ройе-Колларъ писалъ: „въ душѣ реакціонеры думаютъ, что въ великій день творенія была допущена ошибка Провидѣніемъ, даровавшимъ человѣку, въ отличіе отъ другихъ твореній, умъ и свободу; отсюда все зло на землѣ, которое надѣется реакція исправить исправленіемъ неуѣстной щедрости и, упразднивъ пагубный даръ, возвыситъ человѣчество до счастливой невѣстности... животныхъ“. См. Bibliothèque populaire, № 145, p. 133.

⁴⁾ Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, писалъ въ 1859 г. А. М. Унковскій въ своихъ Соображеніяхъ по докладамъ Редакціонныхъ Комиссій, а потому дѣлъ бездна. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу. Все дѣлается съ разрѣшенія высшихъ властей. Народъ не смѣетъ панать общими средствами одной подводой, или лачужки для депозитія подводной или квартирной повинности, не можетъ поставить каменнаго моста, каже не имѣетъ права панать общаго учителя грамоты. Наконецъ, эта централизація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоющихъ вниманія, должны быть представляемы на утвержденіе Верховной Власти. При всемъ этомъ исполнительная власть вручена въ три рода дѣлъ: и полицейскія, и судьбно-слѣдственныя и даже частью судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческою личностью *все* три рода властей и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически... Дѣла по управленію, при ихъ безчисленномъ множествѣ, являются вездѣ, во *всѣхъ* исполнительныхъ учрежденіяхъ въ видѣ огромныхъ обозовъ, напо-

опекѣ всѣ отрасли государственной, общественной и духовной жизни, бюрократія подчинила все и вся своей мертвящей опекѣ, подавивъ всякое проявленіе самостоятельныхъ общественныхъ или индивидуальныхъ силъ. Вотъ каково было положеніе этихъ силъ въ дореформенной Россіи, по характеристикѣ М. Н. Каткова: «Наука? Науки не было — была бюрократія. Право собственности? Его не было — была бюрократія. Законъ и судъ? Суда не было — была бюрократія. Администрація? Администраціи не было—было *постоянно организованное повеленіе власти, съ тѣмъ вмѣстѣ ея бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ*» ¹⁾.

ненныхъ бумагой, для разбора которой нужны десятки и даже сотни канцелярскихъ чиновниковъ. Такая правительственная опека надъ всею жизнью народа невозможна на практикѣ и дѣлается сама причиною беззаконій. Неисполнимые законы никогда не исполняются и даже само правительство должно спсходительно смотрѣть на неисполненіе ихъ. Все это привело къ тому, что дѣла управленія находятся вовсе не въ тѣхъ рукахъ, которымъ они ввѣрены. Большая часть ихъ необходимо должна перейти отъ начальниковъ къ ихъ канцеляріямъ, имѣющимъ возможность казнить и миловать подчиненныхъ и дѣйствующихъ за чужую спиною и безъ всякой отвѣтственности... Естественно, что исполнительныя учрежденія наполняются большею частью людьми, отказавшимися отъ своего человеческого достоинства и обратившими государственную службу въ самое постыдное ремесло (стр. 11—15 вын. IX *Голосовъ изъ Россіи*).—Городская Дума безъ разрѣшенія губернскаго правленія не смѣла продать навоза отъ но жарныхъ лошадей стоимостью не болѣе 50 руб. См. Матеріалы относящ. до новаго обществ. устройства въ городахъ Имперіи. Т. I, стр. 85.—На бумагѣ у насъ существовала централизація, говоритъ А. А. Головачевъ, а на практикѣ царствовало одно чиновничье самоуправство (см. стр. 149 книги его: Десять лѣтъ реформъ).—Характеристику дореформеннаго административнаго произвола см. также у Н. А. Любимова—М. Н. Катковъ“. СПб. 1888, гл. I, стр. 182.—Валуевъ писалъ въ 1856 г.: „Недовѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управление доведено въ каждой отдѣльной части до высшей степени централизаціи, но взаимная связь этихъ частей малочисленны и шатки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ и ревностно приближается къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣетъ цѣлью насколько возможно большее вліяніе высшихъ властей, но благодаря массѣ дѣлъ рѣшеніе ихъ переходитъ къ канцеляріямъ, и судьба представленій генералъ-губернаторовъ весьма нерѣдко зависитъ не отъ министерствъ, но отъ столоначальниковъ. (Дума Русскаго, Русс. Стар. 1891, май, 355).

¹⁾ См. Катковъ и его время. — С. Певѣдънскаго СПб. 188, стр. 419. — Нв. В. Павловъ въ письмахъ къ единомышленнику Каткова Щедрина Салтыкову, печатавшему въ *Русскомъ Вѣстникѣ* свои знаменитые „Губерн-

Другой публицистъ, честный, благородный, но не дальновидный И. С. Аксаковъ ¹⁾, бросая въ 1884 г. ретроспективный взглядъ на дореформенный режимъ, характеризовалъ его такъ. „Намъ указываютъ, писалъ онъ, что образцомъ *«крупнаго и сильнаго правительства»* (ковычки вездѣ подлинника) служить правительство николаевскихъ временъ, и что слѣдовало бы, значить, вернуться къ его системѣ, стремившейся упразднить жизнь и духъ великой страны, не въ ней ли заключается *корень послѣдующихъ золъ*? Всѣмъ намъ, людемъ пожилымъ, памятно знаменитое «тридцатилѣтіе». Фасадъ его былъ дѣйствительно блестящій до такой степени, что онъ и теперь въ похвальныхъ позднѣйшихъ вызываетъ иногда ретроспективное удивле-

ние. Очерки“, сравниваетъ администрацію дореформеннаго времени съ вариантами призванными княжить и владѣть: „Варяги—это губернаторы, председатели палатъ, секретари, становые, полиціймейстеры, однимъ словомъ все администрация, которыми держится какой ни на есть порядокъ въ великой и обильной землѣ нашей. Это вся наша 14-ти классная бюрократія, это 14-ти главныи змій побѣдучій, чудо поганое нашихъ народныхъ сказаній... Все, что носитъ печать змія, обстоятельствами поставлено во вражду съ народностью и само по себѣ съ нею враждуетъ. Стоитъ администраторамъ официально признать какое-нибудь народное учрежденіе, такъ оно тотчасъ же опознана въ глазахъ народа. Главная опора змія — крѣпостное право, въ которомъ законъ освящаетъ эксплуатацію челоѣка челоѣкомъ, производъ, насилие и грабежъ.—Всякій варяжскій администраторъ дѣйствуетъ следовательно *въ духѣ закона*. Отсюда безсилны всѣ нападки на взяточничество и Капнистова „Ибеда“ и Гоголевъ „Ревпзоръ“ и твои „Губернскіе очерки“—увы! Пока по *закону* существуетъ крѣпостное право, до тѣхъ поръ въ силошной твердынѣ взятокъ даже и бреши нельзя сдѣлать“. Въ своихъ отзывахъ Салтыковъ, между прочимъ, писалъ: „Есть одна штука (она же ответственная), которая можетъ истребить взяточничество—поселить правду въ судахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысить народную нравственность—это возстановленіе *земскаго начала на счетъ бюрократическаго*“. (См. На зарѣ крестьянской свободы—*Рус. Стар.* 1897, XI, 233, 236.

Какъ извѣстно, И. С. Аксаковъ въ 80-хъ годахъ, по недоразумѣнію, попался въ одномъ лагерѣ съ М. П. Катковымъ, который сжигая въ это время то, чему поклонялся за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, выступилъ съ обыкновенною отщепенцами, рѣзкостью, гонителемъ всего, что хоть отдаленнымъ образомъ напоминало его собственныя воззрѣнія о необходимости самодѣятельности общества (см. гл. XIII назв. сбор. Невѣднскаго). — Покойный публицистъ А. А. Градовскій, который, какъ и всѣ, вѣрилъ въ безусловную силу намѣреній честнаго, но близорукаго Аксакова, подтрунивая въ то время надъ его союзомъ съ недобросовѣстными компаніонами, писалъ, въ то время, какъ Аксаковъ, подобно звѣздочету, будетъ смотрѣть въ свои дошкие союзники вытаскавъ у него изъ кармана платокъ.

ше. Но не даромъ же и сказано было про Россію, что она—страна фасадовъ и парадовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россія стояла, повидимому, на верху славы и могущества; казалось — «передъ ея державнымъ блескомъ народы молча клонили взоръ», мы несли на себѣ *оберъ-полиціймейстерство* чуть не въ цѣлой Европѣ, великодушно оплачивая дорого стоящую должность русскими деньгами, силами, интересами и даже кровью: когда же вопреки нашей полиціи, Австрія очутилась на краю пропасти, мы сочли долгомъ спасти ее, такъ таки возвѣстивъ міру съ гордостью, нѣсколько простосердечною, что «разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ».

«Въ самой же Россіи, продолжаетъ Аксаковъ, по части политики внутренней, фасадъ былъ не менѣе пышенъ: снаружи—припомнимъ— все чинно, прочно и стройно; порядокъ — на диво; дисциплина — на славу; законовъ—пятнадцатитомная благодать; правительство не только крѣпкое и мощное, но, казалось, проникнутое единствомъ системы и духа во всѣхъ своихъ органахъ, отъ петербургскаго центра до послѣдняго Держиморды въ захолустьномъ городишкѣ; правительство грозное, вседержащее, тысячеокое, тысячерукое, *вездѣсущее* (курс. под.), о которомъ ужъ никакъ не приходилось сказать, что оно въ отлучкѣ—тѣмъ менѣе было нужды возвѣщать подданнымъ впередъ объ его появленіи, призывая громкимъ крикомъ «*вставайте!*...» (намекъ на Каткова) правительство-де идетъ, правительство возвращается!)! Чего ужъ тутъ было вставать! *Россія и безъ того стояла на вытязкѣ* «во фронтъ», двигаясь словно по стрункѣ и па неумолчные грозные окрики команды неумолчно же, испуганно рапортовала: «все обстоитъ благополучно...». Впрочемъ сама эта Россія—вся, съ Русскою землею и народомъ — представлялась въ понятіяхъ правительства какою то обширною «командою», да такъ и называлась — командою, довести которую до полной «исправности» или до солдатской выправки духовной и вѣишной и составляло его *застытыйшукъ мечту*. Да и мало-ли о чемъ тогда мечталось! Мечталось и объ единомъ образѣ архитектуры по всей имперіи, и объ единомъ образѣ покроя платья и причесокъ, съ укрощеніемъ *своеволия* (к. п.) модъ, даже и о цензурѣ Священнаго Писанія!.. Нельзя ужъ было пожаловаться на прогнаторѣчія, нельзя было обвинять въ распущенности управление учеб-

1) Эта фраза была сказана Катковымъ въ 1884 г. въ періодъ, когда онъ, какъ говорилъ Певѣдѣнскій, сталъ „представителемъ“ стараго порядка, въ которомъ онъ когда-то видѣлъ темную силу и несчастіе Россіи“ (см. 356).

выми заведениями: воспитаніе учреждалось, повидимому, желѣзною энергіею; философія — по боку; верховная власть объявлена была (даже оффиціально) «верховною совѣстью» (sic), т. е. началомъ, имѣющимъ упразднить личную, подвижную человѣческую совѣсть...¹⁾ Въ предѣлахъ таковыхъ ноннтіи насаждалось, съ крутымъ усердіемъ, и самое православіе. Но подъ стройною наружною мощью таилась слабость, гнѣздилась гниль. Что, чѣмъ была въ это время Россія:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!..

Въ это самое время Россія задыхалась отъ духоты, отъ недостатка простора для мысли и души въ своемъ пространномъ царствѣ. Публично слышалось лишь молчаніе, но неслышно шептались въ университетахъ и обществахъ смѣлыя и подчасъ извращенныя думы. Спугнули умъ, но не задавили мысль, и она пошла, пошла себѣ бродить подпольными, тайными путями, озлобляясь и искривляясь, воспоиняя свою скудость и незрѣлость лживою обольстительностью запретнаго плода²⁾.

Характеристикѣ дореформеннаго строя посвятилъ въ своей, надѣлавшей много шума, знаменитой *Думѣ Русскаго*, курляндскій губернаторъ П. А. Валуевъ, призванный впоследствии обновить этотъ строй, слѣдующія замѣчательныя строки:

¹⁾ О возведеніи въ принципъ непрекословнаго исполненія желаній начальства вопреки убѣжденію, см. разсужденія гр. Панина, выше въ примѣч. главы I, § 1.

²⁾ См. собр. соч. Аксакова т. V, 163 и слѣд.—М. П. Катковъ, покуда еще не находившійся въ лагерѣ враговъ реформъ, „которые, по собственному его опредѣленію, не могутъ не быть врагами своего народа“ (Моск. Вѣд. 1867 г., № 51), также держался того убѣжденія, что революціонное движеніе въ России вызвано не реформами 60-хъ, а предшествовавшею имъ эпохою гоненія мысли. „Все эти лжеученія, все эти дурныя направленія, писалъ Катковъ въ 1866 г. послѣ окончанія работъ Муравьевской слѣдственной комиссіи, родились и приобрѣли силу посреди общества, не знавшаго ни науки свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для него интересовъ, посреди общества, находившагося подъ цензурою и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни. Все эти лжеученія и дурныя направленія, на которыя слышатся теперь жалобы, суть плодъ мысли подавленной, неразвитой, рабской въ своихъ темныхъ трущобахъ“. (Моск. Вѣд. 1866, № 205).

«Благоприятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія, спрашиваетъ авторъ *Думы* и отвѣчаетъ: отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣрїи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую *оффициальную ложь*. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное: вездѣ приобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды, — и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. *Сверху блескъ; снизу гниль*. Въ твореніяхъ нашего оффициальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками; но кто изъ оффициальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія?

«У насъ самый законъ, продолжаетъ благонамѣренный критикъ, нерѣдко заклеивенъ неискренностью. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностью выраженій и практическою примѣнимостью правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ, но не пролагаетъ къ нимъ пути и *не обезпечиваетъ* исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ, или даже изъ подчиненныхъ, можетъ точно и послѣдовательно исполнять все, что ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановленіями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы, въ случаѣ надобности, было, на кого обратить отвѣтственность.

«Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, продолжаетъ Валуевъ, вся централизація и формалистика управленія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ, *ежедневно обнаруживаютъ свое безсміе*. Канцелярскія формы не предупредили позорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшали истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе, длинный *рядъ гнуснѣйшихъ преступленій* даже остается доселѣ *безнаказаннымъ*. Между тѣмъ, возрастающая механизация дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ

приобрѣтеніе успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за внѣшнею правильностью дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетвореніемъ внѣшней взыскательности высшихъ. *Самостоятельность мѣстныхъ начальствъ* до крайности ограничена, а высшіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе, оказываемое ихъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя о нихъ и не вносятся срочныхъ представленій въ комитетъ гг. министровъ¹⁾. Вотъ что такое была дореформенная бюрократическая, чиновничья система, измѣненіе коей стало, съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра II, вопросомъ дня. До какой степени въ то время реакція противъ чиновничьяго полновластья проникала въ самые умѣренные круги, могутъ дать понятіе слѣдующія сильныя строки изъ дневника цензора Никитенко: «Русскій чиновникъ—ужасная личность; что будетъ впереди еще неизвѣстно, а до сихъ поръ онъ былъ естественный злѣйшій врагъ народнаго благосостоянія». Валуевъ съ своей стороны отмѣчалъ, что «озлобленіе противъ порядковъ (до 1855 г.) безпредѣльное и всеобщее²⁾. Въ виду такого настроенія полное

---

1) *Русск. Старина* 1891, V, 340. Тотъ же Валуевъ писалъ: наша официальная формалистика похожа на извѣстный surprise-attrape, который состоитъ изъ множества коробочекъ, вкладываемыхъ одна въ другую. Раскрываешь коробочку—другая коробочка, раскрываешь эту—третья, потомъ четвертая, потомъ пятая и такъ далѣе и все меньше и меньше. Наконецъ, послѣдняя—и въ ней ничего. (Тамъ же, 341).

2) Велик. кн. Константинъ Николаевичъ издалъ извѣстный приказъ въ духѣ *„Думы“* Валуева (см. далѣе), сначала было переполошившій бюрократію. Но она скоро опомнилась, и одинъ изъ представителей ея баронъ Мейендорфъ писалъ: приказъ—parole de vol, de mensonges etc., mais de mensonge sans suites fâcheuses. („говорить о кражѣ, о лжи, но не будетъ имѣть прискорбныхъ (для кого?) послѣдствій“ (стр. 345 въ *Русск. Стар.* 1891, май, 354—355).

3) См. Дневникъ II, 276.—Валуевъ сначала въ Дневникѣ своемъ смотритъ пессимистически на будущность Россіи: „Тоска невыразимая, нишеть въ октябрѣ 1855 г., умъ и сердце ждуть чего-то, но дни проходятъ за днями и чего-то по прежнему нѣтъ... У насъ правительство не замѣчаетъ, что оно съумѣло отучить насъ даже отъ надежды. Всѣ русскіе сознаются въ томъ, что у насъ все могло бы быть лучше. Но никто не вѣритъ въ возможность этого лучшаго; ждали, ждали и словно махнули рукою всѣ разомъ и начальники, и ихъ разномудриная рать, и весь православный

упразднение подавляющей административной опеки стало в конце 50-х годов, под неотразимым давлением общественного мнения и его важнейшей представительницы—печати, неотложною задачею правительственной программы, которая, начинаясь освобождением крестьян, должна была завершиться уничтожением бюрократической централизации и установлением *самоуправления* общественного, свободы слова и независимого суда.

Съ изданием Положенія о крестьянахъ, установившаго крестьянское самоуправление какъ въ сельскомъ, такъ и волостномъ обществѣ, предчувствовалась неизбежность мѣстнаго самоуправления для всего русскаго общества, для всего народонаселенія. Обширный, хорошо обработанный планъ преобразованія мѣстныхъ учреждений на началахъ безусловнаго самоуправления былъ представленъ, напр., тверскимъ губернскимъ комитетомъ (см. главу II § 3)¹⁾. Въ правительственныхъ рядахъ были люди, какъ напр., Н. А. Милютинъ, способные съ должною энергіею и послѣдовательностью провести реформы для всесторонняго обновленія всего государственнаго управленія въ духъ только что народившейся свободы и самоуправления.

Въ то время, когда прогрессивная часть общества и печати переживая весною 61-го года минуты видилческаго упоенія медовымъ мѣсяцемъ свободы²⁾, съ нетерпѣніемъ ждала установленія новой системы управленія, произошла реакція.

народъ. Если теперь кто-нибудь скажетъ, что современный урокъ для насъ не останется безполезнымъ, то большинство отвѣчаетъ, что пользы по прежнему будетъ на мѣдный грошъ... Припоминали, что и въ 1812 году ожидали великой науки, но не дождалась (стр. 341—342). Впослѣдствіи однако Валуевъ отмѣчаетъ перемену въ настроеніи (стр. 343 и слѣд. Р. С. 1891, V).

¹⁾ Ближайшій сотрудникъ А. М. Унковскаго по Тверскому Комитету (см. главу II) А. А. Головачевъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Десять лѣтъ реформъ“, ставитъ въ вину Редак. Коммисіи, что она сдѣлала крестьянскую реформу сословною и отдѣлила ее отъ вопроса объ общихъ реформахъ по всему государственному управленію, вопреки проекту Тверскаго Комитета (см. тамъ же). Объясняетъ г. Головачевъ эту ошибку частью отсутствіемъ заранѣе обдуманнаго плана при постановкѣ крестьянскаго вопроса, который сначала фигурировалъ въ видѣ „улучшенія быта крестьянъ“, частью тѣмъ, что члены Редакц. Коммисіи не всегда были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ (стр. 162—163).

— Учрежденіе крестьянскаго самоуправления имѣло, по словамъ Безобразова, громадное нравственное значеніе для всѣхъ сословій, всего народонаселенія. См. стр. 271 книги его Государство и Общество. СПб. 1881 года.

²⁾ Въ первое время послѣ обнародованія Манифеста, писалъ 7-го мая 1861 г. кн. В. А. Черкасскій П. А. Милютину, общество, литература, адми-

Не прошло и мѣсяца послѣ обнародованія манифеста о волю, когда друзья свободы въ великодушномъ увлеченіи собирались все «забыть и все простить»¹⁾ поверженнымъ въ прахъ врагамъ народной свободы, лишь бы они увѣрвали въ свободу, въ воскресеніе народа;— какъ эти враги уже стояли на ногахъ.

II.

Побѣда реакціонной партіи была совершившимся фактомъ уже въ половинѣ апрѣля 1861 г. Первыми жертвами ея пали мин. внутр. дѣлъ С. С. Ланской, не пережившій постигшей его неожиданной и крутой перемѣны, и временный (или какъ въ видѣ пропіи называли временно-постоянный) товарищъ министра²⁾, главный двигатель крестьянской реформы, «кузнецъ-гражданинъ» Н. А. Милютинъ. Реакція дѣйствовала такъ ловко, и ударъ готовился такъ таинственно и искусно, что даже для такихъ высокопоставленныхъ друзей свободы, какъ великая княгиня Елена Павловна, онъ былъ совершеннымъ сюрпризомъ³⁾. Самая поспѣшность увольненія Ланскаго и Милютина,— причѣмъ нарушены были не только относительно Милютина, котораго третировали за краснаго яраго революціонера⁴⁾, и потому не цереминирація—всѣ пребывали въ идилліи. Я не могу передать, какъ мнѣ противно было такое настроеніе, которое такъ мало согласовалось съ дѣйствительностью; теперь начинается противоположное направленіе“. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 83.

¹⁾ Все забыто, все прощено, писалъ В. П. Безобразовъ, тотчасъ по обнародованіи Манифеста 19-го февраля всѣмъ, кто увѣруетъ въ воскресеніе, что быстро встанетъ и пойдетъ къ обновленію. См. н. с. его, стр. 273.

²⁾ Н. А. Милютинъ имѣлъ репутацію „революціонера“ въ придворныхъ сферахъ, и вслѣдствіе этого въ теченіе трехъ лѣтъ, до самой отставки своей, состоялъ „временнымъ“ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 34.

³⁾ 29-го апрѣля 1861 г., т.-е. двѣ недѣли спусти послѣ отставки Милютина, вел. кн. Елена Павловна, не зная объ ней, писала Милютину: „Если вы будете наединѣ съ Государемъ и онъ заведетъ съ вами рѣчь о дворянствѣ, вамъ слѣдуетъ сказать, что вы не противъ дворянства, но что вы оскорблены тѣмъ, какъ мало ваша каста соотвѣтствуетъ своему назначенію“. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 172.

⁴⁾ Репутацію „краснаго“ стяжалъ Милютинъ еще въ 1846 году за составленіе проекта учрежденія въ столицахъ городского самоуправленія, но

монились съ нимъ, но и относительно престарѣлаго заслуженнаго са-новника С. С. Ланскаго, даже общепринятая правила официальнаго этикета ¹⁾),—свидѣтельствовала о необыкновенной стремительности на-тиска, сдѣланнаго испугавшейся призрака предстоящаго разоренія придворно-крѣпостнической камарильею, требовавшей *немедленнаго* устѣпленія главы враждебной «революціонной гидры» ²⁾).

Въ чемъ былъ смыслъ этой «близорукой и безъудейной реакціи», какъ ее называлъ Милютинъ ³⁾? Другой дѣятель крестьянской реформы кн. В. А. Черкасскій опредѣлялъ наступившее новое настроеніе такъ: „послѣ весенней оттепели намъ предстоитъ вернуться не къ суровой зимѣ, а къ скучной и грязной *слякоти* ⁴⁾). И никому бы не пожелалъ изъ тѣхъ, кого люблю, писать кн. Черкасскій, управлять въ на-стоящее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: масса хлопотъ, страшная отвѣтственность, шансы сломать себѣ шею безъ надежды сдѣлать себѣ имя».

Но въ чемъ другомъ, а въ самонадѣянности никогда не было недо-статка у бюрократин, которая, въ отличіе отъ Архимеда, даже безъ рычага и точки опоры всегда считала себя въ силахъ, если не под-нять нашу планету, то «урегулировать» однимъ взмахомъ пера, въ силу присущаго ей всевѣдѣнія, всѣ самодѣйствія и разнообразныя

она особенно утвердилась за нимъ (въ 1856 г. по поводу столкновенія с.-петербургской думы съ ген.-губ. Игнатьевымъ. Предъ назначеніемъ Милютина товарищемъ министра Александръ П говорилъ Ланскому: „онъ счита-ется опаснымъ, во всякомъ случаѣ онъ заставляеть о себѣ много гово-рить“. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 23, 26.

¹⁾ С. С. Ланской и П. А. Милютинъ были уволены безъ прошенія. „Меня *выпроводили*, сдѣлавши сенаторомъ“, писалъ онъ 4-го мая 1861 г. кн. Черкасскому. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 76, 86, 75.

²⁾ Помѣщики приходили въ ужасъ, опасаясь въ будущемъ своего разо-ренія, и для ихъ успокоенія былъ назначенъ П. А. Валуевъ, свободный отъ подозрѣнія во враждѣ къ дворянству. См. н. с. Лероа-Болье, стр. 72.—³⁾ Страхъ и угнетеніе господствуютъ всюду, писалъ кн. Черкасскій въ маѣ 1861 г. изъ Тулы Милютину. Тамъ же, 85. Реакція объясняется, писалъ 19 мая 1861 г. Самаринъ Милютину, непривычкою высшей среды къ про-должительному напруженію ума и воли. Л. Болье, 87.

⁴⁾ Государь искренно желаетъ, писалъ Милютинъ кн. Черкасскому 4-го мая 1861 г., добросовѣстнаго примѣненія крестьянской реформы; другіе разсчитывали передѣлать по своему. Замышляютъ на первый разъ стѣсненіе университета. Однимъ словомъ, камарилья хочетъ конопатить всѣ скважныя Зимняго дворца. Л. Болье, 76. *Біограф. Словарь* видитъ въ назначеніи Валу-ева—опредѣленное политическое значеніе, какъ уступку дворянству (стр. 561).

⁴⁾ Лероа-Болье, 80.

проявленія русской общественной жизни. Преемникъ С. С. Ланскаго Валуевъ, принадлежалъ къ новой полированной, мягко-стелющей бюрократической генераціи, не столь невѣжественной, какъ старая (при мѣрь—предшественникъ Ланскаго, гр. Перовскій), но не менѣе близорукой, нетерпимой, самодовольной и самопадѣнной, чѣмъ старая¹⁾.

Блестящій изворотливый энциклопедистъ бомонда, неистощимый бонмотистъ, съ безукоризненными манерами, прекрасно владѣющій «фразою», не лишенною порою пикантнаго сарказма, мастеръ въ самомъ обворожительно-легкомъ тонѣ вести *causerie* салонную — *de omni re scibile et quibusdam aliis*, умѣющій

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*...

такоевъ былъ новый даровитый министръ, будущій авторъ *Лорина*, получившій въ аристократическихъ салонахъ Петербурга репутацію не только тонкаго государственнаго человѣка, призваннаго сочетать свободу и порядокъ, но и необычайно хитраго, гибкаго политика, ловкаго дѣльца,

¹⁾ См. о Перовскомъ у Лероа-Болье (стр. 14.—Дневникъ Валуева даетъ цѣнный матеріалъ для характеристики личности автора. Талантливая натура, тщеславіе, безхарактерность, хорошія либеральныя слова, безъ соотвѣтственныхъ поступковъ — таковы преобладающія черты. Онъ хорошо понималъ недостатки старыхъ порядковъ, но не умѣлъ отъ нихъ отрѣшиться, частью благодаря средѣ, частью по своей винѣ. Для истинной жизни великихъ государствъ, писалъ онъ въ 1855 г., нужны нравственныя начала, которыя могли бы служить основаніемъ государственныхъ дѣяній. Гдѣ и что наше основное государственное начало? Покорность? Кажется, нужно что нибудь и еще. (Русс. Стар. 1891, V, 345). Въ другомъ мѣстѣ онъ, между прочимъ, указываетъ такія начала: „начало нравственнаго достоинства въ дѣйствіяхъ высшихъ правительственныхъ властей, сопряженное съ началомъ уваженія къ человѣческой личности“. Пора усмотрѣть, говоритъ онъ далѣе, что искусство быть ненавидимымъ не составляетъ великихъ мужей, что самодовольное упрямство не замѣняетъ дарованій и что давить не значитъ достигать успѣха“. (Тамъ же, 541). Если взять факты, приводимые только однимъ Пикитенко (см. гл. VII), то они окажутся въ полномъ противорѣчій съ означенными принципами. Да и факты, приводимые самимъ Валуевымъ (см. ниже прим. 3), тоже свидѣтельствуютъ объ его безхарактерности.— Салтыковъ сильно настаивалъ на отдѣленіи истинныхъ либераловъ отъ либеральныхъ соловьевъ, пѣвчихъ временно, вслѣдствіе «засоренія желудка», либеральныя «фіоритуры», а про себя думавшихъ: «ахъ! какъ-бы я тебя жамкнулъ, если-бы только умѣлъ». (Сочин. II, 12, 15). Къ такому типу принадлежитъ и двуличный Валуевъ.

словомъ, мага и чародѣя ¹⁾), способнаго обьять необьятное, примирить все интересы, всехъ обворожить и сдѣлать довольными.

Мода на цѣльныхъ людей съ твердыми *убѣжденіями*, съ рациональными программами прошла ²⁾ и явился запросъ на ловкихъ «практиковъ», на эмпириковъ, призванныхъ къ компромиссамъ, къ смятченію односторонности, къ умиротворенію по рецепту: „съ одной стороны нельзя не признаться... но съ другой... и пр. Двусмысленная роль П. А. Валуева при составленіи Положенія о крестьянахъ ³⁾ дѣлала его какъ-разъ подходящимъ къ новому настроенію и направленію дѣлъ. Валуевъ, по словамъ Милютина, формулировалъ свою программу слѣдующимъ образомъ: *„Точное и буквальное исполненіе Положенія о крестьянахъ, но въ духѣ примирительномъ“* ⁴⁾). Валуевъ сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ дѣйствовалъ *«мягко и уклончиво»* ⁵⁾; при немъ,

¹⁾ Какъ великъ былъ авторитетъ его въ высшихъ петербургскихъ кругахъ въ концѣ 50-хъ годовъ, можно судить по тому, что объ чести имѣть его у себя главою или сотрудникомъ спорили два министерства (финансовъ и госуд. имущ.) и Комитетъ министровъ (см. Дневникъ его, Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 421). Гр. Строгановъ, встрѣтивъ Валуева на балу въ концѣ 1861, говоритъ: *«он vous use, mais on n'use pas de vous. (Васъ истощаютъ, но не пользуются вами)»*. См. тамъ же, 418.

²⁾ Л. Болье, 78.

³⁾ Въ ноябрѣ 1861 г. крѣпостникъ Муравьевъ, при которомъ служилъ Валуевъ, возложилъ на него порученіе, которому онъ не могъ сочувствовать. „Я получилъ приказаніе, пишетъ онъ 6-го ноября (по самымъ *шаткимъ основаніямъ*) пересоставить цѣлую главу“ (о надѣлахъ). „Мое положеніе нестерпимо, писалъ онъ 7-го ноября. Я закабаленъ служить. А между тѣмъ быть на службѣ покорнымъ орудіемъ кн. Долгорукова и ген. Муравьева—ужасная доля. Если бы я не несъ ея ради другихъ (?), то, конечно, надѣлъ бы кафтаны артельщика съ большимъ удовольствіемъ и достоинствомъ, чѣмъ пишу стать секретарскій мундиръ“ (Р. Ст. 1891, № 11, стр. 414)... А все такъ противное убѣжденіямъ порученіе Муравьева было исполнено Валуевымъ, съ исполнительностью образцоваго чиновника, при помощи „наскучнаго параллелограма силъ и діагоналей“, или по-просту болѣе или менѣе искуснаго напусканія тумана. Мало того. Удачное исполненіе pedestнаго порученія начальства даже доставило Валуеву минуту авторскаго наслажденія. (Тамъ же, 415).

⁴⁾ Л. Болье, 78. Правительство само не выяснило себѣ своихъ видовъ; говорилъ въ это время Валуевъ. (Никитенко, см. Дневникъ его, II, 290).

⁵⁾ См. письмо Милютина отъ мая 1861, стр. 77, Лероа-Болье. Валуевъ обѣщаль мнѣ, пишетъ онъ, поддержать Соловьева. Я. А. Соловьевъ, директоръ земскаго отдѣла, извѣстный дѣятель при крестьянской реформѣ, былъ уволень однако въ 1863 г.

смотря на усилія реакціи ¹⁾, Положеніе о крестьянахъ не было стѣснено, но искусно обойдено. Буква Положеній о крестьянахъ не была нарушена, но зато Валуевъ открылъ новую эру постепеннаго смягченія духа и смысла законовъ ²⁾, обратившуюся въ систему ³⁾: эта система постепенной отмѣны закона въ административномъ порядкѣ, путемъ министерскихъ циркуляровъ, должна была въ концѣ высшатать и безъ того столь непрочный у насъ правовой порядокъ и цѣлю законности.

Появленіе П. А. Валуева въ роли руководителя внутренней политики должно было имѣть непосредственное и крайне вредное вліяніе, помимо крестьянскаго дѣла, и на земскую реформу. Усматривая между ними неразрывную связь ⁴⁾, П. А. Милютинъ вслѣдъ за изданіемъ Положенія приступилъ къ работамъ по преобразованію мѣстныхъ учрежденій на началахъ самоуправленія. Уже черезъ три дня послѣ подписанія манифеста 19 февраля въ письмѣ своемъ отъ 22 февраля 1861 г. ⁵⁾— въ отвѣтъ на запросъ великаго князя Константина Николаевича — писалъ А. В. Головинну Милютинъ о проектированныхъ, состоявшею подъ его предсѣдательствомъ особою комиссіею, *земскихъ учрежденій*. Со вступленіемъ въ должность П. А. Валуевъ самъ принялъ предсѣдательство въ этой комиссіи. Несмотря на то, что въ составѣ комиссіи ⁶⁾ были многіе весьма замѣчательные люди, показавшіе не-

¹⁾ Поговариваютъ, писалъ 6-го мая 1861 г. Милютинъ Самарину, о пересмотрѣ Положенія и съ этою цѣлью задержано составленіе уставныхъ грамотъ. Л. Болье, 78.

²⁾ См. статью Кавелина „Крестьянскій вопросъ“ въ Вѣст. Европы 1862, № 9.

³⁾ Л. Болье, 55.

⁴⁾ Тамъ же, 69.

⁵⁾ Тамъ же, 68. Если бы я превозмогъ свое огвращеніе къ нашей такъ называемой политической дѣятельности, писалъ изъ Рима Милютинъ брату своему Д. А. (нынѣ графу) Милютину 11-го декабря 1861 г., то развѣ только затѣмъ, чтобы принять участіе въ реформахъ, о которыхъ я всегда мечталъ. Л. Болье, 119.

⁶⁾ Въ составъ комиссіи входили: А. Г. Тройницкій, В. А. Татаринъ, С. Р. Ждановъ, К. К. Гротъ, гр. Д. Н. (?) Толстой, А. Д. Пумахеръ, С. И. Зарудный, К. А. Крживицкій, гр. А. А. Бобринскій, Я. А. Соловьевъ, Е. В. Пеликанъ, Н. Н. Колесовъ, А. К. Жуковский, В. П. Владиміровъ, К. Гирсъ, Н. И. Стояновскій, А. П. Меркуловъ, П. Н. Даневскій, П. Марченко, П. И. Второвъ, Л. П. Перовскій, М. И. Погожевъ, П. П. Геллеоновъ, М. А. Куческій, П. С. Лебедевъ, М. П. Островскій и П. Суцевъ.—Этотъ списокъ напечатанъ въ и. Исторической Запискѣ,

дюжинныя способности при проведеніи другихъ реформъ¹⁾, на работахъ Валуевской комиссіи лежитъ отпечатокъ робости и нерѣшительности, что слѣдуетъ, разумѣется, приписать, главнымъ образомъ, преобладающему влиянію предсѣдателя, а не одному только тревожному настроенію, которое замѣчалось въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, въ періодъ бурныхъ засѣданій дворянскихъ собраній 62—63 гг.²⁾ Что возбужденное состояніе общества не было въ данномъ случаѣ неодолимымъ препятствіемъ, тому доказательство судебная реформа, подготовлявшаяся одновременно съ земскою и въ отличие отъ послѣдней получившая тотъ раціональный и либеральный характеръ, который вызываетъ справедливое удивленіе иностранныхъ публицистовъ, именно со стороны ея принципиальной выдержанности, способствовавшей и ея успѣху³⁾. Именно такой выдержанности и не хватало у проекта Валуевской комиссіи, который представлялся паліативною попыткою сочетанія противоположныхъ началъ самоуправленія и бюрократическаго всевластія, сословности и бессословности.

Нуженъ былъ широкій взглядъ просвѣщеннаго государственнаго челоуѣка, чтобы облегчить трудныя условія «политическаго воспитанія», созданныя для народа освободительнымъ манифестомъ, и уразумѣть истинный смыслъ событій, сопровождавшихъ объявленіе «воли», въ общемъ совершившагося съ изумительною быстротою и успѣхомъ⁴⁾: Если тамъ и сямъ для обученія поваго «школьника» приходилось прибѣгать къ содѣйствію военной силы, то ясно было, что мотивами къ «бунту на колѣняхъ» было не упорство самоувѣреннаго своеволія и неуваженія къ власти, а завѣщанное добрымъ старымъ временемъ круглое невѣжество и безграмотность народа, не могшаго уяснить себѣ сущность дарованной «воли»⁵⁾ и питавшаго понятное недовѣріе къ своимъ господамъ и къ мѣстнымъ властямъ, а потому склоннаго, по

но въ имѣющихся у меня подлинныхъ журналахъ Комиссіи имѣется гораздо меньше подписей, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что составъ Комиссіи мѣнялся.

1) О выдающейся роли члена этой Комиссіи въ судебной реформѣ см. въ книгѣ моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа“. М. 1887.

2) Л. Болье 83.

3) Leroy-Beaulieu—L'empire des Tsars. t. II, 291.

4) Л. Болье, Un homme etc. 87.

5) См. гл. I, § 2, объ обнародованіи Манифеста.

двѣительному замѣчанію Ю. О. Самарина, „въ призывѣ войска видѣть единственную гарантію подлинности Высочайшей воли“¹⁾.

Въ большинствѣ же случаевъ происходило спокойное, но рѣшительное гражданское перерожденіе народа, впервые получившаго сознание о своихъ правахъ, о своей «правоспособности»²⁾. Уравненіе передъ закономъ, уничтоженіе сословныхъ перегородокъ—таковы были требованія минуты, ясно сознаваемые дѣятелями крестьянской реформы, но не такова была программа реакціонной партіи, дававшей тонъ политикѣ и стоявшей за сохраненіе и усиленіе если не прямое, то *косвенное* дворянскихъ привилегій. Эта программа была усвоена и П. А. Валуевымъ.

Такою именно неискренностью и половинчатостью было отмѣчено отношеніе новаго министерства къ «свободнымъ стремленіямъ», къ началу земскаго самоуправленія. П. А. Милютинъ, слѣдившій въ 1861 г. изъ Рима по письмамъ Кавелина за начавшимися студенческими безпорядками и съ горечью замѣчавшій промахи, управлявшаго въ отсутствіи Государя, Верховнаго Совѣта³⁾, съ грустью отмѣчалъ отсутствіе у тогдашняго растерявшагося правительства способности „осуществить послѣдовательную *раціональную программу*, будь она составлена хотя бы семью мудрецами и изложена на четвертушкѣ бумаги“⁴⁾. Съ своей стороны П. А. Милютинъ полагалъ, «что въ Рос-

¹⁾ См. письмо Самарина къ Милютину въ томѣ I, стр. 424 н. с. *Lettre des Tsars*. — Помѣщики стали разочаровываться, узнавалъ, какъ мало любить имъ народъ (н. с. Лероа-Болье, 84).

Болье—Un homme etc., 89.

Никогда, писалъ проф. Кавелинъ 27 октября 1861 г. Милютину, по закрытія С.-Петербургскаго университета, администрація не показываетъ большаго непониманія дѣлъ и трусости. См. н. с. Лероа-Болье, 116

²⁾ Л. Болье, 119. Въ 1862 году Ю. О. Самаринъ писалъ: „Прежняя вѣра себя, которая, при всемъ неразуміи, возмѣшала энергію, утрачена безвѣстно, но жизнь не создала ничего, чѣмъ можно было бы замѣнить ее. Вершинѣ законодательный зудъ въ связи съ невѣроятнымъ и безироничнымъ отсутствіемъ дарованій; со стороны общества—дряблость, хроническая лѣнь, съ желаніемъ, день-о-дня болѣе явнымъ, дразнить власть. Какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ во всей русской землѣ существуютъ двѣ силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ, но эти двѣ силы, вмѣсто того, чтобы соединиться, отдѣляются промежуточными слоями. Эта негнѣная среда, лишенная всѣхъ корней, народъ и въ продолженіе вѣковъ хватавшаяся за вершину, начинаетъ отдѣляться и дерзко становится на дыбы противъ своей собственной опоры (Самаринскія собранія, университеты, печать). Къ крикливый голосъ только

сн во сто разъ легче, чѣмъ гдѣ либо, привлечь правительству на свою сторону серьезную часть общества: для этого необходимо дѣлать своевременно потребныя уступки, но дѣлать *откровенно, съ достоинствомъ*; безъ убійственныхъ апологій (старого?) и *безъ канцелярскихъ уловокъ* ¹⁾).

Какъ разъ на такія искреннія уступки и прямодушныя дѣйствія не способенъ былъ двуличный П. А. Валуевъ, на словахъ стоявшій за законъ и самоуправленіе, а на дѣлѣ горячо охранявшій производствъ бюрократіи и способный, по мѣткой характеристикѣ великой княгини Елены Павловны, *наговорить „много, но сдѣлать не многое“* ²⁾. Не будучи самъ убѣжденнымъ сторонникомъ земскаго самоуправления, онъ подавно не въ состояніи былъ выполнить, возлагавшейся на него надежды, разсѣять существовавшія «у высшей власти предубѣжденія противъ слова *земство*» ³⁾. Будучи завзятымъ бюрократомъ, П. А. Валуевъ былъ способенъ дать не настоящее самоуправленіе, а лишь блѣдное подобіе его, *quelque chose* ⁴⁾, и какъ только рѣчь заходила въ Государственномъ Совѣтѣ о предоставленіи земству настоящей власти (право избранія мировыхъ судей было дано земству судебными уставами 20 го ноября 1864 г.), Валуевъ былъ тутъ какъ тутъ и, въ мелодраматической позѣ спасителя отечества, произнесилъ страшныя слова въ родѣ «государство въ государствѣ» и т. п. ⁵⁾. Съ полною наглядностью сказалось такое отношеніе къ дѣлу во всеподлиннѣйшемъ докладѣ Валуева отъ 22-го марта 1862 г., который легъ въ основаніе проекта земскаго Положенія 1863 г. и который гораздо больше распространяется о „сохраненіи и огражденіи“ правъ бюро-

напрасно пугаетъ власть и раздражаетъ толпу (?). Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой, безъ всякой пользы для общества, которое дразнить его изъ за удовольствія (?) дразнить. Но это долго продолжаться не можетъ, иначе нельзя будетъ избѣжать сближенія двухъ оконечностей — самодержавной власти и простонародья — сближенія, при которомъ все, что въ промежуткѣ, будетъ раздавлено и смято, а то, что въ промежуткѣ, — обнимаетъ всю грамотную Россію, всю нашу гражданственность. Хорошее будущее, нечего сказать!“ (Бюгр. Слов. см. Александръ П. 565).

¹⁾ Тамъ же, 118

²⁾ См. письмо вел. кн. Елены Павловны къ Милютину, Л. Болье, 125.

³⁾ „Слово *земство* наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ“, писала 26-го января 1862 г. великая княгиня Милютину. См. тамъ же.

⁴⁾ Il faut faire quelque chose, такъ выразились тогда, по словамъ В. П. Безобразова, наши передовые бюрократы, см. и с. Безобразова, стр. 500.

⁵⁾ См. и. Истор. Записку, стр. 307.

кратіи отъ „неумѣстныхъ притязаній“ общества (стр. 4), нежели объ установленіи правъ мѣстнаго общества отъ власти губернаторовъ, предъ которыми, по выраженію Б. П. Чичерина, все привыкло склоняться и которые привыкли, чтобы все предъ ними склонялось“¹⁾. Словомъ, Валуевскій докладъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто дѣло шло не объ установленіи иѣкотораго контроля общества надъ мѣстнымъ управленіемъ и не объ ограниченіи всемогущей бюрократіи, пустившей глубокіе корни, а объ защитѣ ея отъ чрезмѣрныхъ притязаній всепильнаго самоуправленія!

III.

Осенью 1862 г. были распубликованы въ газетахъ основныя начала земской реформы. Они имѣли тотъ нежелательный характеръ «не освѣщенныхъ наукою полумѣръ, палліативныхъ средствъ», отъ которыхъ такъ настойчиво предостерегалъ знаменитый ученый, проф. Радкинъ (см. выше главу IV § 8). [Вліяніе общественнаго мнѣнія на дальѣйшее теченіе реформы было крайне незначительно. Правда, вънесеніи 26-го мая 1863 г. проекта земскаго Положенія въ засѣданіе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта приглашены были петербургскіе и московскіе губерпскіе предводители дворянства и городскіе головы, но даже и это ничтожное участіе общественнаго элемента не имѣло никакихъ послѣдствій, потому что замѣчанія «экспертовъ», даже самыя умѣренныя, никакого воздѣйствія не оказали. Голосъ печати также никакого замѣтнаго вліянія не имѣлъ. Для характеристики тогдашняго настроенія любопытенъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу одного «литературнаго проекта». Сославшись на статью оффиціальнаго органа *Сѣверной Почты*, гдѣ сказано было, что при обсужденіи земской реформы въ Совѣтѣ будутъ приняты въ соображеніе и труды литераторовъ, московскій предводитель дворянства просилъ позволенія прочесть краткое извлеченіе, сдѣланное имъ изъ проекта *Московскихъ Вѣдомостей* «объ представительствѣ землевладѣнія». Противъ

¹⁾ См. *Наше Время* 1862, № 217.

такой профанаціи ¹⁾ высшей государственной коллегіи возражалъ не кто иной, какъ самъ вдохновитель вышеупомянутой статьи *Стверной Почты* (какъ онъ самъ заявилъ ²⁾ двоедушный Валуевъ, и обсужденіе Катковскаго проекта дозволено было лишь при той фикціи, что онъ исходитъ, какъ бы отъ самого предводителя дворянства.

Предварительное обсужденіе проекта земской реформы, при участіи экспертовъ, было окончено въ іюль 1863 г., и дѣло грозило затянуться, въ ожиданіи составленія устава о земскихъ повинностяхъ, если бы не энергическій толчекъ, данный Государемъ. 1-го ноября 1863 г., въ виду сильнаго нетерпѣнія, господствовавшаго въ обществѣ и печати, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «требую, чтобы дѣло это непременно было окончено до 1 января 1864 г.» Къ 5-му декабря окончено было обсужденіе проекта въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи ³⁾, а 14-го, 16-го и 17-го декабря 1863 г. обсуждало его Общее Собраніе Государственнаго Совѣта.

Измѣненія, внесенныя Государственнымъ Совѣтомъ въ проектъ Валуевской комиссіи, касались главнымъ образомъ смягченія сословнаго характера земскихъ учреждений (проектъ устанавливалъ уменьшенный цензъ для дворянъ-земледѣльцевъ) и ограниченія власти администраціи (такъ, напримѣръ, министерство внутреннихъ дѣлъ оставляло за собою право назначать предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ собраній, а также по своему усмотрѣнію (п. XII проекта) измѣнять предметы вѣдомства земства).

Наиболѣе рѣшительными противниками сословнаго начала выступили баронъ Корфъ, Бахтинъ и кн. Суворовъ (къ нимъ въ общемъ собраніи присоединился Тымовскій). Возражая противъ раздѣленія

¹⁾ На безынтересно отмѣтить, что въ томъ LXVI Дѣла о преобразованіи судебной части въ § 4 поименовано до 30 №№ газетъ (*Моск. Видомъ День, Голосъ и др.*), официально приложенныхъ, для соображенія. См. стр. 47 Описи этого дѣла, напечатанной въ видѣ приложенія къ книгѣ моей, „Основы Судебной реформы“. — При университетской реформѣ печати отвѣдъ мин. нар. проsv. А. В. Головингъ видное мѣсто.

²⁾ Ист. Зап., стр. 69—70.

³⁾ Предсѣдательствовалъ кн. П. П. Гагаринъ, членами были: М. Г. Хомутовъ, бар. М. Л. Корфъ, П. О. Мѣтлинъ, Е. П. Ковалевскій, П. А. Мухановъ, гр. В. Н. Панинъ, П. И. Бахтинъ, гр. В. О. Адлербергъ, кн. П. А. Долгоруковъ, кн. Италійскій, гр. А. А. Суворовъ-Рымникскій, П. М. Толстой. Д. А. Милютинъ, Л. Л. Зетевый, П. А. Валуевъ, М. Х. Рейтеръ. П. П. Мельниковъ.

избирателей на три собранія—землевладѣльческое (главнымъ образомъ, дворянское), городское и сельское—четыре члена указывали на то, что цѣль образованія земскихъ учреждений состоитъ въ томъ, чтобы въ каждой мѣстности призвать къ завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами *всѣ классы* общества, земство составляющіе, *безразлично*, такъ какъ самое земство есть не что иное какъ соединеніе жителей одной мѣстности для удовлетворенія общимъ хозяйственнымъ нуждамъ. Этой цѣли не соотвѣтствуетъ предложенный въ проектѣ порядокъ избранія гласныхъ тремя группами, каждую отдѣльно. Избранныя такими отдѣльными кружками лица будутъ считать себя делегатами избравшихъ ихъ классовъ общества и будутъ дѣйствовать не какъ представители *общихъ* всему земству интересовъ, а какъ защитники особыхъ выгодъ каждаго отдѣльнаго класса. При этомъ не достигается то *единодушіе*, которое должно составлять *главный характеръ* всѣхъ дѣйствій земскихъ учреждений (см. выше въ главѣ II тождественный взглядъ тверскаго дворянства, изложенный въ Обзорѣ Основаній тверскаго проекта), въ завѣдываніе коихъ постунаютъ не отдѣльные, часто противоположные другъ другу, сословные интересы, остающіеся по прежнему на попеченіи самихъ сословій, а *земскія дѣла*, представляющія *общіе для всѣхъ интересы*. Только при избраніи гласныхъ въ собраніяхъ, въ коихъ участвуютъ избиратели *безъ различія сословій*, будетъ достигнуто, что гласные будутъ смотрѣть на себя какъ на представителей всего земскаго общества и считать себя обязанными дѣйствовать *безпристрастно, а не въ выгоду того или другаго сословія* ¹⁾.

Однако подавляющее большинство 40 членовъ Государственного совѣта высказались въ пользу Валуевского проекта, находя, что соединеніе избирателей въ одно собраніе было бы механическое, ставило бы крестьянъ въ соотношенія, *несвойственныя* ихъ понятіямъ и привычкамъ, и вызвало (?) бы антагонизмъ (!) между сословіями.

При обсужденіи вопроса о предсѣдательствѣ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, голоса раздѣлились по ровну—23 голоса было ²⁾ за предоставленіе предсѣдательства лицу, избранному собраніемъ, 23—за уѣзднаго предводителя дворянства. Последнее мнѣніе Высочайше утверждено и получило силу закона. Что касается губернскаго собранія, меньшинство (17 членовъ) ³⁾ высказалось за избраніе предсѣдателя

¹⁾ Истор. Записка, 105—106.

²⁾ Тамъ же, 160.

³⁾ Тамъ же, 159.

самимъ собраніемъ, а большинство (29 голосовъ) за предоставленіе предсѣдательства губернскому предводителю. Меньшинство ¹⁾ (графъ Блудовъ, графъ Строгановъ, Хомутовъ, бар. М. Корфъ 2-й, гр. Литге, Прянишниковъ, Вахтинъ, Поровъ, гр. Армфельдъ, Мѣтлинь, Ковалевскій, Д. А. Милютинъ, Мельниковъ, Зеленый, Головинъ, Рейтеръ и Краббе), имѣя въ виду, что губернское земское собраніе состоитъ изъ выбранныхъ земствомъ представителей, находило, что вообще было бы несогласно съ выборнымъ началомъ и крайне неудобно назначать въ это собраніе предсѣдателя со стороны, помимо желанія самого общества. Такая мѣра имѣла бы еще ту невыгоду, что предводитель дворянства есть представитель *одного* сословія, выбранный симъ же сословіемъ, и назначеніе предсѣдателемъ земскаго собранія, въ коемъ участвуютъ заинтересованные въ одинаковой мѣрѣ *все* классы общества, было бы такимъ явнымъ *предпочтеніемъ* дворянскаго сословія, въ общемъ для всѣхъ земскомъ устройствѣ, что не могло бы не породить пререканій между сословіями и повредить и успѣху новыхъ учреждений. Губернское собраніе будетъ заниматься дѣлами, касающимися земскаго хозяйства: кругъ его дѣйствій ясно обозначенъ въ Положеніи и затѣмъ, по убѣжденію 17 членовъ, не могло быть никакой опасности предоставить собранію имѣть предсѣдателя по выбору. Напротивъ, можно было опасаться, по ихъ мнѣнію, что собраніе, въ коемъ значительная часть членовъ не принадлежитъ къ выборнымъ отъ дворянства, будетъ *парализовано* въ своихъ дѣйствіяхъ постановленіемъ во главѣ его лица, избраннаго одними только дворянствомъ. Въ такомъ собраніи неминуемо возникнетъ борьба сословныхъ притязаній, не будетъ единодушія, необходимаго для успѣха дѣла.

29 же членовъ (вел. кн. Николай Николаевичъ, принцъ Ольденбургскій, гр. Рибопьеръ, гр. Адлербергъ, гр. Клейнмихель, кн. Гагаринъ, Кочубей, гр. Шуваловъ, бар. Корфъ I, Сухозанетъ, Таишевъ, гр. Панинъ, кн. Долгоруковъ, Плаутинъ, Чевкинъ, кн. Горчаковъ, бар. Врангель, Брокъ, Аппенковъ, Княжевичъ, гр. Игнатьевъ, кн. Суворовъ, Тымовскій, гр. Толстой, гр. Валуевъ, Мухановъ, Татаринъ, Замятинъ и Платоновъ) въ виду важности вѣряемыхъ губернскимъ земскимъ собраніямъ дѣлъ и значенія ихъ, какъ выборныхъ отъ мѣстнаго населенія, полагали, что было бы *неосторожно* предоставить избраніе предсѣдателя собранію и что слѣдовало назначить

1) Тамъ же, 166.

предѣдателемъ губернскаго предводителя, какъ лицо *благонадежное и способное* 1).

По вопросу объ организаціи и предѣлахъ власти земскихъ учреждений представилъ пространныя замѣчанія главноуправляющій II отдѣленіемъ Е. Н. В. канцеляріи баронъ М. Корфъ. Цѣль земской реформы, писалъ онъ, конечно не въ томъ, чтобы *на мѣсто однихъ присутственныхъ мѣстъ учредить другія*, хотя бы и въ лучшемъ и правильнѣйшемъ составѣ, сущность ея напротивъ, въ измѣненіи *самыхъ коренныхъ условий* нашей системы мѣстнаго правленія, *въ разрушеніи ея старыхъ основъ* и построеніи ея на началѣ, почти совершенно ей чуждомъ—*децентрализаціи и самоуправленіи*. Указавъ затѣмъ на пагубныя послѣдствія централизаціи, въ особенности для такой обширной и мало культурной страны, какъ Россія, бар. Корфъ замѣчаетъ, если подобная система, хотя и съ постоянными противъ себя нареканіями, могла до послѣдняго времени существовать у насъ, то, безъ сомнѣнія, лишь потому, что на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, *большая часть предписаній* высшаго правительства на мѣстахъ *не исполнялась* и дѣйствительная жизнь шла врознь съ ними. Съ другой стороны, централизація отнимаетъ у мѣстныхъ жителей *охоту* заниматься своими общественными дѣлами, вслѣдствіе чего народъ *оставаясь чуждымъ* практическимъ трудностямъ управленія, дѣлается болѣе и болѣе способнымъ предаваться политическимъ фантазіямъ и причину всякаго зла въ обществѣ, даже самаго естественнаго и неизбежнаго, приучается относить къ правительству 2).

При разсмотрѣніи проекта въ соединенныхъ департаментахъ с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства высказалъ, что хотя ст. 6 полож. и предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ самостоятельность, но въ другихъ статьяхъ *начало самостоятельности* не только не поддерживается, а напротивъ того совершенно *уничтожается* — подчиняя составленіе смѣтъ и самое избраніе должностныхъ лицъ и пр., *утвержденію* администраціи. Бар. Корфъ 3), съ своей стороны, настаивая на необходимости предоставленія самостоятельности земству, говорилъ, что, въ виду выказаннаго обществомъ въ послѣднее время (польскаго возстанія) патриотизма, слѣдуетъ къ нему обратиться съ довѣріемъ. „Общество прежде всего желаетъ, сказалъ онъ, чтобы зем-

1) Тамъ же, 271—284.

2) Тамъ же, 292.

3) Тамъ же, 293.

скія учрежденія, какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ ихъ дѣятельности, имѣли *дѣйствительную* самостоятельность. Было бы крайне неосторожно нынѣ, когда возбуждено общее ожиданіе устройства земскихъ учреждений *на началахъ довѣрія* правительства къ обществу, *дать слишкомъ мало, не удовлетворить общія надежды и тѣмъ возбудить только неудовольствіе*. Тогда скажутъ, что вѣсто дѣйствительнаго земскаго управленія прибавлено только нѣсколько новыхъ административныхъ мѣстъ⁴. Къ этому мнѣнію присоединились военный министръ Д. А. (нынѣ графъ) Милютинъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій¹). Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, между прочимъ, возражалъ: нареканія на стремленіе бюрократіи весьма *преувеличены* (?— см. выше § 1 отзывъ самого Валуева), и полагалъ, что при самостоятельности земскихъ учреждений создается *государство въ государствахъ* (sic).

При исчисленіи отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ учреждений, Е. П. Ковалевскій предложилъ включить «попеченіе о народномъ образованіи». Предложеніе было принято, несмотря на возраженіе извѣстнаго гр. Папина, высказавшаго, что эти предметы (попеченіе о народномъ образованіи, народномъ здравіи и о тюрьмахъ), требуютъ многосторонняго разсмотрѣнія и что передать ихъ земству значило бы возбудить надежды и притязанія (!), которыя, можетъ быть, невозможно будетъ удовлетворить.²)

Московскій городской голова кн. Щербатовъ, возбудилъ очень важный вопросъ о раздѣленіи земскихъ повинностей, вызывавшій крайне страстныя пренія. Предметы вѣдомства земскихъ учреждений окончательно могли быть опредѣлены только съ пересмотромъ уст. о земскихъ повин., который еще не былъ оконченъ. Кн. Щербатовъ полагалъ полезнымъ указать въ земскомъ Положеніи, по крайней мѣрѣ, общій принципъ разграниченія губернскихъ земскихъ повинностей отъ государственныхъ, добавляя, что если всѣ повинности, признаваемы нынѣ государственными, будутъ считаться государственно-земскими и передадутся въ завѣдываніе казны, то на долю земскихъ учреждений останется всего $\frac{1}{8}$, т. е. менѣе 5,000,000 руб.³), между тѣмъ они будутъ завѣдывать *всѣми* повинностями и государственными, и губернскими. Имѣя въ виду, что персоналъ земскихъ учреждений будетъ

1) Тамъ же, 294.

2) Тамъ же, 302.

3) Тамъ же, 304. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губернскій сборъ былъ еще меньше, не доходилъ до $\frac{1}{10}$; см. и. с. Головачева, стр. 188.

состоять не менѣе, какъ изъ 2,000 лицъ ¹⁾, можно предвидѣть, что онъ поглотитъ 40% бюджета, что нельзя признать нормальнымъ. Расширеніе правъ земства и то незначительное въ распоряженіи ^{2/3} частью земскихъ повинностей не оправдываетъ, говорилъ князь, устраненія его отъ всякаго участія въ завѣдываніи остальными ^{4/5}. По симъ соображеніямъ кн. Щербатовъ полагалъ, что не слѣдовало совершенно устранять вліяніе земства и на ту часть земскихъ сборовъ, которая составляетъ государственныя повинности и, по крайней мѣрѣ, предоставить новымъ учрежденіямъ *участіе* въ составленіи смѣтъ и *обревизованіи* расходовъ по симъ смѣтамъ.

Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій полагали полезнымъ имѣть въ виду отзывы новыхъ учрежденій по сему предмету. П. И. Бахтинъ горячо поддержалъ предложеніе кн. Щербатова и замѣтилъ, что *совѣщательный* ~~голосъ~~ земскихъ учрежденій можетъ быть допущенъ безъ всякаго опасенія на счетъ превышенія ими власти и ограниченія свободной правительственной инициативы. Практическая возможность и удобство такого законодательнаго пріема, сказалъ Бахтинъ, подтверждается бывшими примѣрами: правительство не встрѣчало никакихъ неудобствъ и опасеній при созывѣ въ 1857 и 1858 гг. губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, на предварительное обсужденіе которыхъ былъ представленъ вопросъ еще большей важности—крестьянская реформа ²⁾.

Большинство членовъ не согласилось однако съ предложеніемъ кн. Щербатова. П. А. Валуевъ разразился громовою фразистою филиппикой, указывая, что предложеніе кн. Щербатова грозитъ отечеству неминуемою бѣдою (обсужденіе въ послѣдующія времена земскими собраніями проекта подоходнаго налога, какъ извѣстно, основъ государства не поколебало). „Предоставить земскимъ учрежденіямъ участіе въ *дѣлахъ* общегосударственнаго интереса, ораторствовалъ Валуевъ, значило бы раздроблять (sic) единую государственную правительственную власть между 40 или 50 отдѣльными единицами и подвергать *общественный* *порядокъ* и *весь* *государственный* *строй* *опасностямъ*, въ важности которыхъ едва ли кто позволитъ себѣ сомнѣваться. Желаніе, чтобы земскія учрежденія произвели благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, чтобы возбужденныя ожиданія были по возможности удовлетворены, не можетъ быть основаніемъ къ тому, чтобы

¹⁾ Тамъ же, 304—305.

²⁾ Тамъ же, 307—308.

расширить кругъ этихъ учреждений за предѣлы возможнаго (?) и не-обходимаго, дать имъ законодательную (??) инициативу, предоставить имъ самимъ опредѣлить кругъ своей дѣятельности, *связать правительству руки*¹⁾ и публично заявить это въ текстѣ самого закона! Вотъ сколько ужасовъ усмотрѣлъ, захлебнувшійся въ флюритурахъ собственнаго краснорѣчія, „соловей-либераль“ Валуевъ въ скромномъ предложеніи кн. Щербатова²⁾). Еще шагъ, и П. А. Валуевъ могъ обвинить сторонниковъ этого предложенія въ политической неблагонадежности и въ государственномъ преступленіи. Препія получили столь несвойственный мѣсту бурный характеръ, что предсѣдатель кн. П. П. Гагаринъ прекратилъ ихъ послѣ грозной катилларіи побѣдоноснаго Валуева...

1) Далѣе П. А. Валуевъ поясняетъ, почему у правительства связаны были бы руки. „Правительство не должно ставить себя, говорить онъ, въ такое положеніе, чтобъ у него *выпрашивали милости*“ (стр. 108). Если даже «выпрашиваніе милостей», никому и никогда не возбраненное (см. стр. 340. Исторической Записки), представлялось, по мнѣнію Валуева, опаснымъ предоставлять органамъ общественаго самоуправленія, то это одно показываетъ, какъ „своеобразно“ представлялъ себѣ этотъ либераль на словахъ, а на дѣлѣ бюрократъ до мозга костей, „самостоятельность“ земства. Нельзя не согласиться съ Безобразовымъ, когда онъ, характеризуя такихъ неисправимыхъ бюрократовъ, восклицаетъ: „О, какъ опасны тѣ враги бюрократическаго порядка, которые сами бюрократы и дѣйствуютъ противъ него своими бюрократически сочиненными способами“. См. н. с. Безобразова, стр. 382.— *Отчест. Записки* тоже подтрунивали надъ заботою „объ устраниеніи въ *будущемъ* произвола общества, упускающаго изъ виду настоящихъ, очевидный произволъ бюрократіи“. — Говори объ уничтоженіи произвола, журналъ продолжаетъ: „сильныя лица всегда расположены думать, что законы не про нихъ писаны, слѣдовательно, уничтоженіе общаго произвола возможно только тогда, когда лица, задумавшія устранить его, не забудутъ прежде всего устранить изъ собственнаго сердца“. (1862, № 9, стр. 16, 25).

2) А. А. Головачевъ, указывая на то, что старыя дворянскія собранія дѣйствѣе ближе подходили къ понятію самоуправления, нежели земскія учрежденія 1864 г., отмѣчаетъ, что тѣ собранія имѣли право контроля не только надъ губернскимъ, но и государственнымъ земскимъ сборомъ. Съ удрученіемъ этого права и съ перенесеніемъ его на общесловныя земскія собранія, онъ, замѣчаетъ г. Головачевъ, могли бы сдѣлать многое и послужить зачатками того контроля, который общество, по необходимости, должно имѣть надъ администраціею и который признавался полезнымъ за весь періодъ времени отъ 1805 до 1864 г. Къ сожалѣнію, говоритъ г. Головачевъ, законъ 1864 г. не сохранилъ этого права за мѣстнымъ обществомъ, а напротивъ, подчинилъ дѣйствія общества контролю администраціи. См. н. с. Головачева, стр. 188—189.

И подумаешь, всё эти перуны спасителя цѣлости Россіи направлены были противъ безобидной мѣры, которая являлась дополненіемъ и развитіемъ дѣйствовавшего со временъ Николая I законодательства, въ силу котораго дворянство имѣло право провѣрять отчеты не только о губернскому, но и по *государственному* земскому сбору. И такое-то частичное ничтожное участіе общества въ контролъ надъ администраціею, признававшееся нужнымъ даже въ николаевскія времена, было сочтено П. А. Валуевымъ и его единомышленниками опаснымъ для цѣлости государства! Вотъ кто, по ироніи судьбы, долженъ былъ *обновить* бюрократическій строй и насадить *основы самоуправления*—самовѣреннѣйшій изъ бюрократовъ, вѣрившій лишь въ себя и въ государственное разумнѣе департаментскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ агентовъ бюрократіи; фразеръ, на словахъ кокетничавшій (въ *Сѣверной Почтѣ* прямо заявляли, что земскія учрежденія „школа представителейныхъ учреждений“ съ обществомъ и самоуправленіемъ, а въ душѣ боявшійся ихъ, какъ огня!? ¹⁾)... Какъ бы не пришлось имени двуличнаго П. А. Валуева перейти въ исторію съ тѣми пелестными эпитетами, которые онъ въ своемъ Дневникѣ такъ щедро расточалъ своему принципалу М. Н. Муравьеву... ²⁾.

IV.

1-го января 1864 г. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ получило законодательную санкцію.

Въ первой книгѣ *Вѣстника Европы* извѣстный въ началѣ 60-хъ гг. своимъ либерализмомъ и самостоятельностью московскій цензоръ и

¹⁾ Кто бы могъ подумать, что этотъ блестящій вольнодумецъ, съ такимъ презрѣніемъ взиравшій, пока не былъ у власти, на представителей стараго порядка, по понятіямъ которыхъ Россія была для 14-ти граннаго зерна простою скорлупою, т. е. Россія *кончалась* XIV классомъ по табели о рангахъ (см. Дневникъ Валуева въ Русской Старинѣ 1891, № 11, стр. 395), самъ заплагитъ дажь этому неизлѣчиму недугу бюрократовъ.

²⁾ Желая охарактеризовать пристрастіе къ произволу и двоедушіе мн. госуд. имущ. М. Н. Муравьева, Валуевъ называетъ его ханомъ, пашей, маждариномъ и т. п. и, наконецъ, „государственнымъ хамелеономъ, добавляя, что можно говорить не о двуличности его, а о многоличности“. (См. Дневникъ Валуева въ Русск. Стар. 1891, № 10, стр. 179).

впослѣдствіи крупный петербургскій земскій дѣятель Н. Θ. фонъ-Крузе въ немногихъ словахъ отмѣтилъ органическій порокъ, который явно замѣчался въ Земскомъ Положеніи 1864 г. «Хотя нововведеніе было вызвано, писалъ онъ, неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи народнымъ хозяйствомъ, но тѣмъ, не менѣе устройство нововведенія пришлось поручить тому же канцелярскому порядку и руками, *признанными за неискусныхъ*, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить“ 1).

И. С. Аксаковъ во *Днѣ*, отдавая полусерьезно, полуиронически „должную дань почтенія усердію административныхъ лицъ въ тяжеломъ трудѣ *сочиненія* и изготовленія проектовъ о земскихъ учрежденіяхъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ недоумѣніе по поводу того, что въ данномъ случаѣ правительство дѣйствовало «внѣ помощи общественной, безъ пособія органическаго творчества жизни». *Днѣ* тѣмъ болѣе удивлялся такому игнорированію общественнаго мнѣнія, что еще недавно общество было свидѣтелемъ того, «какимъ плодотворнымъ путемъ предварительныхъ общественныхъ работъ съумѣло правительство усвоить общественному сознанію и вѣдѣнію величайшее свое законодательное дѣло—освобожденіе крестьянъ» 2).

М. Н. Катковъ, относясь довольно скептически къ Земскому Положенію, какъ продукту «бюрократическаго умозрѣнія», привѣтствовала земство, какъ начало *общественнаго безсословнаго самоуправленія*. „Законъ 1 го января имѣетъ особенную важность, говорили *Московскія Вѣдомости*, не по тѣмъ специальнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, а по тѣмъ *началамъ*, которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи. Въ этихъ-то началахъ заключается его *главное* значеніе. До сихъ поръ русскій народъ не имѣлъ *совокупной организаціи*, теперь онъ имѣетъ ее. До сихъ поръ мы имѣли отдѣльныя гражданскія состоянія, чуждыя другъ другу, раздроблявшія народъ или скрывавшія его единство и препятствовавшія теченію его жизни; теперь положено начало живой цѣльной организаціи земства, основанной на всеобщемъ началѣ собственности. До сихъ поръ у насъ было *замкнутое* сословіе дворянъ-помѣщиковъ; теперь мы получаемъ *вольную* (sic) группу землевладѣльческихъ классовъ, къ которой будутъ принадлежать люди всѣхъ состояній при извѣстномъ размѣрѣ поземельной собственности и въ которой дворян-

1) Вѣстникъ Европы 1866, № 1.

2) Соч. Аксакова, V, 254.

ство не просто войдетъ въ соприкосновеніе съ другими сословіями, но вступить въ органическую связь съ народомъ»¹⁾.

Зато глашатай олигарховъ-вѣрнопостниковъ *Вѣсть*,—предвосхищая перлы современнаго органа „единственно порядочныхъ гражданъ“, какъ онъ самъ себя называетъ, „или паяца“, „грязнаго хвоста консерватизма“, органа „промотавшихся опричниковъ“, какъ величаютъ его, его-же единомышленники, другіе консервативные органы—видѣль въ всесословномъ характерѣ земства и особенно въ допущеніи „мужичья“, прямое отраженіе революціонныхъ идей 1789 г. и социалистическаго движенія вообще, вкупѣ съ коммунистическимъ въ частности²⁾.

Начиная съ 7-го февраля 1865 г. постепенно стали открываться земскія учрежденія. Въ 1865—1866 г. они были введены въ 27 губерніяхъ Европейской Россіи, въ 1867—1875 г. еще въ 6 губерніяхъ.

Если вообще способъ введенія реформы много значить, то онъ особенно былъ важенъ въ данномъ случаѣ, когда законодательство само было крайне несовершенно, въ смыслѣ принципиальной выдержанности, и открывало широкій просторъ для урѣзокъ при столкновеніи земства съ административными властями. Отчасти намекая на этотъ недостатокъ Положенія 1-го января, М. Н. Катковъ писалъ еще 6-го января 1864 года, что при примѣненіи Положенія «желательна зоркая мудрость и либеральность»³⁾. Не трудно догадаться, какого „либеральнаго“ духа и направленія могла держаться администрація, руководимая такимъ неискреннимъ другомъ либерализма и самоуправления, какъ П. А. Валуевъ.

Прежде всего онъ настоялъ на томъ, чтобы и безъ того ничтожныя финансовыя средства земскихъ учрежденій были еще болѣе урѣзаны при составленіи Временныхъ Правилъ о разверстаніи земскаго сбора между казною и земствомъ. Во многихъ губерніяхъ переданный въ распоряженіе земства сборъ не превышалъ 40—50 т. р., а между тѣмъ на содержаніе однихъ земскихъ учрежденій нужно было тратить 80,000—100,000 руб.⁴⁾. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, земство, въ виду крайней обремененности крестьянскаго населенія и сравнительно большаго обремененія поземельной собственности, рѣшилось усилить обложеніе фабрикъ, заводовъ и другихъ промыш-

¹⁾ См. назв. сб. Невѣдѣнскаго, ст. 429—430.

²⁾ См. цитату у Аксакова, V, 401.

³⁾ См. Московскія Вѣдомости 1864, № 9.

⁴⁾ П. с. Головачева, 192.

ленно-торговыхъ заведеній. Администрація рѣшительно воспротивилась этому, а на одно изъ земствъ, наставившее на своемъ правѣ (петербургское), вылила неожиданно такой потокъ холодной воды ¹⁾ (земскія учрежденія, въ виду доклада Валуева, были закрыты 6-го января 1867 г. и дѣла земства переданы въ старыя присутственныя мѣста), что надолго должна была пропасть охота у земскихъ дѣятелей дѣйствовать «самостоятельно». Рядомъ съ этимъ шло пренебрежительное отношеніе къ земскимъ ходатайствамъ ²⁾, усиленіе дискреціонной власти предсѣдателя земскаго собранія ³⁾, стѣсненіе гласности ⁴⁾ и пр. и пр.

Въ 1868 г. мѣсто Валуева занялъ ген.-адъют. Тиманевъ, но отношеніе правительства къ земству не улучшалось ⁵⁾. «Земскія учрежденія, писалъ Катковъ въ 1870 г. ⁶⁾, представляютъ печальное

---

1) С.-Петербургская земская управа въ 1867 г. отказалась исполнить требованія губернатора объ измѣненіи смѣты, находя ихъ противными закону и предлагала принести жалобу на министра, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ земства. Земскія учрежденія были закрыты, каковую чрезвычайную мѣру и М. П. Катковъ находилъ неоправданною обстоятельствомъ. Никитенко въ своемъ Дневникѣ также сожалѣеть объ ней (т. III, 135).

2) Херсонское земство не получило въ теченіе года по 19 ходатайствамъ никакого отвѣта (соч. Аксакова, V, 397).

3) До чего доходилъ произволъ предсѣдателей, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Священникъ былъ исключенъ изъ масальскаго земскаго собранія, вслѣдствіе столкновенія его съ крупнымъ землевладѣльцемъ. Несмотря на требованія 15 гласныхъ, предсѣдатель не допустилъ обсужденія жалобы исключеннаго гласнаго (см. т. V, соч. Аксакова, стр. 410).

4) Любопытно, что законъ 13-го іюня 1867 г., подчинившій гласность цензурѣ губернатора, но комментарий валуевского органа „Сѣверной Почты“, оказывался не стѣсненіемъ, а „распространеніемъ“ правъ земства. По поводу этого изумительнаго опыта превращенія „чѣрнаго въ бѣлое“ П. С. Аксаковъ писалъ: „это, конечно, *очень смѣло*, но едва ли безвредно, ибо отнимаетъ у правительственной мѣры достоинство прямоты и откровенности“. Тамъ же, стр. 409.

5) Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ и въ особенности ограниченіе гласности, которая есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, писалъ Катковъ въ 1868 г., поддѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ. (См. сб. Певѣднскаго, стр. 442).

6) См. сб. Певѣднскаго, стр. 444—445. Всякій, кто внимательно слѣдилъ за дѣятельностью нашего земства, говорилъ *Московск. Вѣдомостямъ* въ 1869 г., не можетъ не замѣтить, что институтъ этотъ имѣетъ *будущность*, если только законодательство поставитъ его въ благопріятныя условія (№ 267).

зрѣлище. Гласные во многих мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, перестаютъ видѣть въ немъ *серьезное дѣло* государственнаго значенія¹⁾, начинаютъ сомнѣваться въ его будущности. Они замѣчаютъ въ правительственныхъ властяхъ какое-то *глупое нерасположеніе* къ этому созданію правительственной власти. Многія земскія собранія послѣдней сессіи шли вяло, за малочисленностью гласныхъ; иныя вовсе не состоялись за неприбытіемъ законеннаго числа членовъ». Земскія учрежденія начали все болѣе и болѣе хирѣть и чахнуть, чему отчасти способствовало также апатичное и реакціонное настроеніе²⁾ общества. Какъ ни трудно было вдохнуть жизнь въ общество, находившееся долго подъ гнетомъ, — легче угнетать, говорить

1) При обсужденіи вопроса о пересылкѣ земской корреспонденціи земства приравнены были къ частнымъ учрежденіямъ. (См. н. с. Безобразова, стр. 541).

2) Въ провинціальномъ обществѣ, писалъ Салтыковъ въ концѣ 60-хъ годовъ, существуютъ извѣстные слои, въ которыхъ 19-е февраля отозвалось послѣдствіемъ свойства довольно неожиданнаго. Въ противность всякимъ ображеніямъ, оно выдвинуло впередъ въ этихъ слояхъ совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало выдвинуть и поставило внѣ дѣятельности совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало внѣ дѣятельности поставить. Однимъ словомъ, вышла какая-то безпримѣрная и только у насъ возможная путаница, вслѣдствіе которой дѣятельными практическими дѣятелями на почвъ 19-го февраля явились люди, немогущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванья при малѣйшемъ намежѣ на эту почву; люди-же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго вліянія на правильный исходъ его, но даже къ великой чести многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами... Что составляетъ, спрашиваетъ онъ, язву, непрестанно точащую провинціальныхъ исторіографовъ-ненавистниковъ? Эту язву составляетъ упраздненное крѣпостное право, гласные суды, земство т. е. то, въ чемъ замыкается существенный смыслъ 19-го февраля. Ненавистничество до такой степени подняло голову, что самое слово „ненавистникъ“ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ рекомендательнаго писма. Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрежещутъ зубами въ тихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дни и на всѣхъ діалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опасаясь ни отпора, ни возраженій, сулятъ покончить въ самомъ ближайшемъ будущемъ съ тѣмъ, что они называютъ „гнусною закваскою нигилизма и демагогіи“ и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистнику нѣтъ никакого дѣла, а преобразованія послѣдняго времени. (Сочин. II, 360—361). Это писалось въ концѣ 60-хъ годовъ. — „Ненавистники“ 80-хъ — 90-хъ годовъ, какъ извѣстно, заткнули за ноясь своихъ предшественниковъ.

великій историкъ древности, нежели вновь воззвать къ жизни 1),— но первые успѣшныя шаги земства 2) показывали, что въ обществѣ были еще живыя силы и что безусловно былъ правъ Катковъ, когда по открытіи земскихъ учреждений съ торжествомъ говорилъ: «не правда! у насъ есть люди, дайте учреждения—люди явятся» 3)...

Кто знаетъ, чего бы можно ждать отъ нашего самоуправленія, если бы въ такой исключительный по важности 4) моментъ, какъ 60-е годы, эпоха великихъ реформъ и возрожденія Россіи, тонъ внутренней политикѣ давалъ не такой двусмысленный творецъ двусмысленнаго блѣднаго самоуправленія,—которое зло, но мѣтко было уподоблено Катковымъ «гримасѣ человѣка, который хочетъ чихнуть, но не можетъ» 5),— а истинный другъ самоуправленія, глубоко вѣрующій въ великія прин-

1) Taciti, Vita Agricolae, V.

2) См. статью В. Ю. Скалона „Земское дѣло въ № Русскихъ Вѣдомостей отъ 7-го февраля за 1890 г., а также назв. с. Свѣшникова, стр. 130 и слѣд.

3) Наз. сб. Невѣдѣнскаго, 416.—Въ началѣ 1873 г. Никитенко писалъ: „Вотъ формула того, чѣмъ могли бы удовлетвориться всѣ разсудительные люди нашего времени: съ одной стороны поддержаніе всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія, съ другой—дѣятельность въ предѣлахъ этихъ реформъ“.. (стр. 322). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Никитенко пишетъ: „Испугались реформъ тѣ самыя, которые ихъ произвели. Они ожидали, что изъ реформъ возникнетъ самая порядочная, сообразная съ ихъ желаніями жизнь, что нравы измѣнятся къ лучшему, промышленность и земледѣліе процвѣтутъ, богатство потечетъ по всей странѣ рѣкою. Печать только и будетъ дѣлать, что *воспалять*... Всѣ эти золотыя сны не оправдались. То, что вѣками портилось и извращалось, не можетъ измѣниться въ нѣсколько лѣтъ. Главная задача реформъ совсѣмъ не въ томъ состояла, чтобы немедленно насладиться благами, элементы которыхъ въ нихъ заключаются, а въ томъ, чтобы положить имъ основаніе и сдѣлать эти блага возможными. Словомъ реформы имѣютъ въ виду не настоящее, а будущее. Поэтому не слѣдуетъ ихъ подкапывать, а обезпечивать ихъ прекрасныя послѣдствія, выжидать. Естественно, что онѣ произвели много такого, чего администраціи не желалось, много ошибокъ, неумѣнье пользоваться дарованными льготами, даже злоупотребленіе. Но въ высшей степени странно, что этого *не предвидѣли*. Слѣдуетъ ли изъ-за этого возвращаться къ прошедшему и парализовать сдѣланное, лишая его той силы, которая *одна* въ состояніи вывести насъ на лучшій путь?“ (Днев. III, 337).

4) Наше поколѣніе, писалъ Катковъ 1-го января 1864 г., какъ-разъ въ день утвержденія Земскаго Положенія, держитъ въ своихъ рукахъ историческую будущность русскаго народа. Наша задача такъ колоссальна, что поневолѣ становится жутко. (Московскія Вѣдомости 1864 г., № 1).

5) См. Моск. Вѣд. 1880 г., № 212).

ипши его и ради нихъ способный понять и извинить его случайные недостатки, промахи и даже припадки нервности, пароксизмы первнаго раздраженія, неизбѣжныя у людей послѣ долгаго гнета?!...

Если за всѣмъ тѣмъ и не смотря на всѣ тяжелыя условія существованія, земскія учрежденія внесли экономію во многихъ расходахъ, сравнительно съ казеннымъ хозяйствомъ¹⁾, если изъ ничего создали народную школу²⁾, народную медицину³⁾, земское страхованіе и пр.,

1) Въ н. с. Головачева (стр. 192) приведены примѣры экономій въ 30%—50%. Это же подтверждается и сравненіемъ бюджетовъ земскихъ и неземскихъ губерній (см. *Русск. Пѣдом.* 1893, № 110).

2) О томъ, какая гага avis быть грамотный въ деревнѣ до земской реформы, см. выше въ главѣ I, § 2 свѣдѣнія объ чтеніи въ деревняхъ. Полож. о крестьянахъ.

3) Медицина, по утвержденію знатока дѣла А. А. Головачева, отсутствовала не только въ уѣздѣ, и городахъ (см. стр. 199 и официальныя данныя въ статьѣ В. Ю. Скалона, въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* „Двадцатипяти-Ня“ земскихъ учреждений, стр. 163).

Г. Макенмовъ указываетъ въ Юрид. жур., въ какомъ возмутительномъ положеніи находились больницы повсемѣстно, пока „въ нихъ хозяйничала“, введенія въ 1864 г. земскихъ учреждений, мѣстная губернская администрація. „Такъ, полтавская земская коммиссія 1867 г., принимая эти учрежденія, констатировала, что всѣ зданія ихъ не были приспособлены къ ихъ нуждамъ, для удовлетворенія которыхъ они предназначались, что гигиеническія требованія въ нихъ совсѣмъ не соблюдались, что „ремонтъ и освѣщеніе и отопленіе стоили немнѣрно дорого, между коммиссіатскими статьями числилось много лишняго, для больничнаго хозяйства было опредѣленныхъ нормъ и должнаго контроля, управленіе находилось въ рукахъ некомпетентныхъ лицъ и т. д. О домѣ душевно-больныхъ въ главѣ, по словамъ старшаго врача, „лучше не говорить, такъ постыдно держаніе этихъ несчастныхъ въ гигиеническомъ отношеніи и такъ чувствительно отсутствіе приспособленій для надлежащаго содержанія и приращенія ихъ“. Саратовское губернское земство, принимая зданія заведенія приказа, установило, между прочимъ, что часть помѣщеній предназначенныхъ для содержанія и леченія умалишенныхъ, была построена еще въ 1860 году и пришла въ крайнюю ветхость; другая часть, хотя и была построена всего за пять лѣтъ до сдачи заведенія въ земство, но имѣла существенные недостатки. Такъ, домъ оказался „возведеннымъ на очень сыромъ мѣстѣ, едва ли не на родникахъ, а потому, по мнѣнію губернской управы, слѣдовало было ручаться, что поправки въ домѣ не окажутся необходимыми въ недалекомъ будущемъ. Бессарабское земство приняло домъ умалишенныхъ 104 больными и при одномъ служителѣ: все заведеніе это производило такое удручающее впечатлѣніе. Въ Пермской губерніи, гдѣ земскія учрежденія были введены только въ 1870 г., т.-е. когда уже имѣлся нѣкоторый опытъ земской дѣятельности и слѣдовательно были приняты кое-какія мѣры

создали, составляющую гордость русской науки предъ Европою, особую земскую статистику ¹⁾, если, помимо всего этого, земскія учрежденія послужили школою политическаго воспитанія для общества ²⁾ и народа ³⁾: то это доказываетъ, какъ живительна и плодотворна идея самоуправленія даже въ самомъ неудовлетворительномъ выраженіи и приложеніи ея. Несмотря на всѣ «зигзаги» ⁴⁾ русскаго прогресса, не мертвящей бюрократической рутинѣ преодолѣть эту великую зиждательную и животворящую силу!

къ упорядоченію общественнаго призрѣнія, это послѣднее перешло къ земству въ самомъ печальномъ состояніи. На двухмилліонное населеніе имѣлось только 11 больницъ всего съ 425 кроватями; но и эти больницы были крайне неудовлетворительны. Достаточно сказать, что въ шести изъ нихъ не было своихъ врачей, что зданія ихъ были ветхи, холодны, стѣны пропитаны нечистотами, печи развалились, потолки угрожали наденіемъ, больные были перемѣшаны, даже сифилитики не отдѣлялись отъ другихъ и т. д. ⁴⁾. Отмѣтивъ далѣе, что при передачѣ больницъ земству значительно урѣзаны были больничные капиталы и сокращены другіе доходы, авторъ справедливо ставитъ въ особую заслугу земскому самоуправленію, что оно, не взирая на свои крайне стѣсненные фінансы, вдобавокъ поглощаемые обязательными расходами, все-таки тратитъ на дѣло общественнаго призрѣнія довольно значительныя суммы. Такъ, въ 1890 г. земства расходовали на этотъ предметъ, не считая собственно медицинскон части, 2,800,000 руб., что составляло около 10% земскаго бюджета на необязательные расходы. Авторъ продолжаетъ: „Не повторяя общензвѣстныхъ фактовъ, характеризующихъ крайне неудовлетворительную постановку дѣла призрѣнія въ учрежденіяхъ, передавшихъ свои заведенія земству, отмѣтимъ, что, по свѣдѣніямъ, профессоромъ въ общую печать, эта важная отрасль государственнаго и обществннаго управленія находилась въ самомъ печальномъ состояніи еще въ губерніяхъ Казанской, Херсонской, Екатеринославской, Псковской, Московской и во многихъ другихъ“. (Журн. С.-Пет. Юрид. Общ. 1895 г. № 6).

¹⁾ См. Рѣчь проф. А. И. Чупрова въ сборникѣ „25-ти лѣтіе Московскаго Юридическаго Общества“. М. 1888. Развязный авторъ „Современной Россіи“ доводитъ свою злостную игривость до того, что называетъ земскую статистику „безобразіемъ, имѣвшимъ цѣлью возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ“ (стр. 196).

²⁾ См. н. с. Безобразова 505. — Послѣ реформы 1864 г. петербургское дворянство считало униженнымъ для себя сидѣть въ городской Думѣ рядомъ съ кушачами и лавочниками и т. п. людьми“.

³⁾ См. т. V. соч. Аксакова, стр. 96.

⁴⁾ Пройдетъ много времени, писаль Ю. О. Самаринъ 19-го мая 1861 г. изъ Самары Милютину, въ теченіе котораго мы будемъ двигаться впередъ, но зигзагами. см. н. с. Лероа-Болье, 87.